

Впрочем, если подумать, даос из Шаньичэн вряд ли стал бы заниматься подобными вещами.

Но раз уж речь зашла о Шаньичэн...

О своей бывшей школе он кое-что помнил, хотя и немного.

Шаньичэн была не горой, а одной из малых обителей секты совершенствующихся, расположенной на соседнем пике. У этой секты изначально было до того труднопроизносимое название, что люди прозвали её Сыцзинмэнь, и со временем наставники смирились с таким именованием. Название Сыцзинмэнь — Врата Четырех Пейзажей — возникло потому, что секта делилась на четыре направления совершенствования.

Когда основатель секты только создавал её, он был страстно увлечен поэзией. Имена его прямых учеников были взяты из древних стихотворений, да и названия четырех обителей он выбрал под стать: Шаньичэн — Горный путь, Шуйичэн — Водный путь, Фэнъигэн — Ветреная стража и Сюэъигэн — Снежная стража.

Однако поговаривали, что однажды он внезапно охладел к стихам и ударился в кулинарию. Он вознамерился переименовать четыре обители в Кислый, Сладкий, Горький и Острый. Лишь благодаря тому, что супруга основателя и другие бессмертные наставники целых три дня упорно спорили с ним у порога, он отказался от этой затеи.

В Сыцзинмэнь было два типа учеников: те, кто использовал меч как проводник духовной энергии — их называли мечниками, и те, кто использовал музыкальные инструменты — их называли музыкантами.

Шаньичэн была местом, где тренировались мужчины-мечники.

Шуйичэн — обитель женщин-мечниц.

Фэнъигэн — место для всех музыкантов.

А вот Сюэъигэн не предназначалась для тренировок учеников. Там жил всего один человек, и лишь когда открывалась магическая завеса, ученики могли пройти по галерее Люсян, украшенной резными цветами сливы, чтобы попасть в Сюэъигэн на урок защиты и врачевания.

Обители находились недалеко друг от друга, самая дальняя была отделена лишь озером Хуаньхуа, но границы между ними были четкими. Мечники считали, что у музыкантов нет боевого духа, а музыканты считали мечников слишком грубыми.

Беда была в том, что в Сыцзинмэнь имелось всего две столовые, на востоке и на западе, и они не принадлежали ни к одной из обителей. В те времена, когда он сам совершенствовался в Шаньичэн, ему не раз доводилось слышать жалобы собратьев:

— Столовая — единственный шанс перемолвиться словечком с девушками, так почему мы должны видеть эту кучку заносчивых музыкантов?!

— Все они разряжены в шелка, в них нет ни капли мужской стати! Силы никакой, заниматься толком не хотят, только и знают, что хвастаться, с какой девушкой завели знакомство, никакой стыда!

— Эх, почему мы, мечники, должны совершенствоваться в одиночестве? Я бы тоже хотел, чтобы старшая сестра Нань Юй учила меня владеть мечом!

— Это потому, что музыкантов мало. Им хватает и одной обители, чтобы там беситься.

Те, кто не достиг поздней стадии Золотого ядра, еще не умели обходиться без пищи, поэтому для молодых мечников три приема пищи в день были сплошным мучением.

Погрузившись в воспоминания, он внезапно пробормотал себе под нос:

— Что это за время такое...

Даос из Шаньичэн, решив, что обращаются к нему, нахмурился:

— Даже это забыл? Похоже, тебе действительно нужно поскорее вернуть свою душу, а не то... кхм, сейчас год Гэнчэнь.

Год Гэнчэнь.

Шэнь Чжи на мгновение замер. Он помнил, что умер в год Гэнъю. Выходит... прошло уже десять лет?

— Кстати, я Мэн Ань. Могу я узнать твое имя?

Вопрос вернул Шэнь Чжи к реальности. Он едва не выпалил Шэнь Даохэн, но вовремя прикусил язык и исправился:

— Зови меня Шэнь Хэн.

Мэн Ань кивнул:

— Брат Шэнь, тогда я призову мешочек для удержания душ, а ты попробуй почувствовать отклик.

Шэнь Чжи кивнул, и Мэн Ань достал из-за пазухи тканевый мешочек, от которого исходило слабое синее свечение. Он поднес его к груди Шэнь Чжи и, нахмурившись, принялся читать заклинание:

— Шэнь Хэн... душа, приди... Шэнь Хэн, душа, приди...

Шэнь Чжи: «...»

Этот даос читал совсем не его имя, как же он мог призвать его душу? Шэнь Чжи молчал, лишь тихо направляя духовную силу и мысленно повторяя свое истинное имя, при этом опустив взгляд, чтобы заметить хоть какое-то движение в мешочке.

Однако удача была не на его стороне: мешочек по-прежнему мерцал прозрачным мягким светом, не подавая признаков жизни.

Мэн Ань вздохнул:

— Похоже, души брата Шэня нет среди тех, что я успел вернуть. — Он помолчал, смущенно

добавив: — Виноват, мастерства не хватило, позволил тому демону сбежать. Если бы удалось его схватить, можно было бы расспросить.

Шэнь Чжи не был сильно разочарован. В конце концов, по словам старухи, его душа должна была находиться на юго-востоке, а город Мочжоу как раз лежал в том направлении. Даже если её нет в мешочке, он наверняка получит зацепки от этого даоса.

Он уже собирался притворно утешить Мэн Аня, как вдруг его глаза пронзил ослепительный свет. Даже такой мастер, как Шэнь, едва выбравшись из крошечной тьмы кладбища, не мог выдержать такого сияния, поэтому инстинктивно прикрылся рукавом.

Мэн Ань же, напротив, при виде света пришел в восторг, почти не мигая глядя на него. Когда свет погас в воздухе, он повернулся к Шэнь Чжи:

— Отличные новости, брат Шэнь! Мои соученики поймали того демона! Пойдем скорее в город Мочжоу, возможно, там мы найдем твою душу!

На этот раз Шэнь Чжи был по-настоящему раздражен — яркий свет «Шаньичэн» резанул по глазам, которые еще долго саднило. Десять лет! Черт возьми, прошло целых десять лет! А эти люди из Шаньичэн всё так же наглы, словно хотят ослепить его! Он не знал, были ли у него проблемы со зрением раньше, но желание выругаться точно возникло не впервые.

Однако, будучи гордым человеком, он не хотел показывать слабость Мэн Аню. Он слегка протер веки прохладным рукавом, стараясь унять красноту, и сухо произнес:

— Что ж, тогда побеспокою тебя, брат Мэн.

Мэн Ань повел Шэнь Чжи в город Мочжоу на мечях.

Это было первое место с признаками жизни, куда попал Шэнь Чжи после пробуждения в склепе — по крайней мере, здесь было оживленнее, чем в той безвестной деревушке. Был уже полдень, дождь постепенно стих, и Мэн Ань убрал свой промасленный зонт в пространственный мешочек.

Шэнь Чжи десять лет не разговаривал, и сейчас, ступив на землю, он был полон сомнений и не имел никакого желания болтать. Мэн Ань тоже не был большим любителем пустых слов, но, в отличие от Шэнь Чжи, он заботился о чувствах других, опасаясь, что его молчаливость заставит Шэнь Чжи думать, будто все совершенствующиеся — высокомерные снобы. Он пытался завести разговор, но Шэнь Чжи отвечал лишь короткими «угу» или «ага», и вскоре Мэн Ань оставил эти попытки.

Они шли по мокрой каменной мостовой города Мочжоу и вскоре оказались у чайной под названием «Чайный край Цзяннани». Мэн Ань объяснил, что именно здесь договорился встретиться с соучениками.

Название было громким, но внутри чайная оказалась небольшой: два этажа, на первом около двадцати квадратных деревянных столов, а перед ними — стол, покрытый белой тканью, с дощечкой для привлечения внимания. Шэнь Чжи подумал: «Неужели можно пить чай и слушать сказителей?»

Ему стоило бы послушать — так он мог бы узнать, что произошло за десять лет, а может, и разузнать о причине собственной смерти.

Пока он размышлял, Мэн Ань толкнул дверь в небольшую ложу на втором этаже.

И тут он услышал звук «дон» — внутри сидел человек в длинном халате и вдохновенно вещал:

— И снова о том самом Призрачном мечнике Шэнь Даохэне! С тех пор как он запал на фею Нань Юй, каких только уловок не придумывал! Хотя фея не обращала на него никакого внимания, а Шаньичэн и Шуйичэн разделяет озеро Хуаньхуа, он умудрялся тайком пробираться в Шуйичэн, чтобы досаждать ей... То цветы пришлет, то духовные камни и дорогие украшения, а еще использовал свои иллюзии, чтобы порадовать красавицу. И вот, постепенно, фея Нань Юй тоже прониклась к нему чувствами...

Увидев, что дверь открылась, сказитель запнулся, а затем медленно продолжил:

— Однако пути судьбы неисповедимы, ибо...

Мэн Ань, чье терпение уже лопнуло, не выдержал:

— Ибо твоя голова!

Все в ложе обернулись. Там сидело около десяти учеников Шаньичэн. Большинство при виде Мэн Аня смущенно вскочили, бормоча:

— Третий старший брат...

Лишь один человек остался сидеть, невозмутимый, как гора. Более того, он подлил масла в огонь:

— Продолжай, что же ты замолчал? Господин сказитель внезапно онемел?

— Лю Саньцю! — Мэн Ань в ярости выхватил меч, но, тяжело дыша, закрыл глаза. Открыв их, он повернулся к трясущемуся от страха сказителю: — Вон!

Тот сбежал, даже не прихватив веер.

Мэн Ань дождался, пока он скроется, с грохотом захлопнул дверь и прорычал человеку, продолжавшему сидеть:

— Лю Саньцю, объяснись!

Тот, кого называли Лю Саньцю, медленно поднялся и повернулся к нему.

Он был красив и статен, с высокими скулами, светлыми глазами и бледными губами, но в нем не было той агрессии, которую ожидал увидеть Шэнь Чжи. Даже сейчас уголки его губ были изогнуты в естественной улыбке, из-за чего незнакомцы могли принять его за мягкого человека.

Однако стоило ему открыть рот, как это заблуждение развеивалось.

— Объясниться? В чем именно?

Мэн Ань едва не скрежетал зубами от гнева, но, помня о присутствии Шэнь Чжи, старался сохранять спокойствие:

— Почему ты водишь младших братьев слушать это? Ты посмел оскорбить старшую сестру Нань Юй!

— Старшую сестру Нань Юй? — уголки губ Лю Саньцю поднялись ещё выше. — Она учила тебя фехтованию всего три дня, с чего такая фамильярность? К тому же, это чайная, а не Шаньичэн. Я слушаю то, что хочу, и не тебе меня упрекать.

— Т-третий... старший... брат.

Мэн Ань почувствовал, что теряет самообладание:

— Замолчи! Хватит с меня этого! Что из себя представляет этот негодяй Шэнь Даохэн, чтобы стоять в одном ряду с сестрой Нань Юй?! Ты просто не добился её расположения, вот и слушаешь эти грязные байки!

В ложе воцарилась тишина.

Ученики, стоявшие за спиной Лю Саньцю, испуганно смотрели на старшего брата, опасаясь, что после таких слов Мэн Аня начнется драка. К счастью, этого не произошло. Лю Саньцю, словно не услышав обвинений, помолчал, перевел взгляд на человека в белом, стоявшего за Мэн Анем, и мягко произнес:

— У нас гость? Прошу прощения. Мэн Ань, обсудим это позже, сейчас есть дела поважнее.

«Негодяй» Шэнь Чжи улыбнулся ему.

Терпения у этого Лю Саньцю хоть отбавляй. Если бы ещё и мастерство было на уровне, из него вышел бы отличный совершенствующийся.

После неловкой паузы Мэн Ань тоже остыл, хотя внутри у него всё ещё клокотала ярость. Игнорируя Лю Саньцю, он тихо сказал Шэнь Чжи:

— Прошу прощения за этот балаган.

Шэнь Чжи не обратил внимания на их спор. Его занимало то, что рассказывал сказитель.

Призрачный мечник...

Почти десять лет он не слышал этого прозвища. Кто бы мог подумать, что услышит его после возрождения в такой обстановке.

А фея Нань Юй... если память его не подводит, это Цзян Нань Юй из Сыцзинмэнь. Старшая сестра обители Шуйичэн, его младшая соученица, первая красавица мира совершенствования.

Многие тогда восхищались её красотой, способной затмить луну и заставить цветы стыдливо прятаться. Но характер у неё был холодный, а мастерство — столь высоким, что никто не смел приближаться к ней ближе чем на пять ли.

Были ли у него с этой ледяной красавицей какие-то отношения? К несчастью, в его памяти ничего подобного не было.

Самый долгий их разговор состоял всего из двух фраз.

Однажды, стоя у озера Хуаньхуа, разделяющего Шаньичэн и Шуйичэн, он сорвал лотос, полный росы, и с помощью духовной силы отправил его на другой берег, беспечно бросив:

— Красавица, это тебе.

Аромат лотоса окутал берег, ивы склонились над водой, но Цзян Нань Юй лишь взглянула на него, взмахнула лазурным рукавом и холодно, без тени жалости ответила:

— Проваливай.

Шэнь Чжи: «...»

Он решил, что у него с этой ледяной красавицей нет будущего.

Так откуда же взялись эти байки о том, что она в него влюбилась?

Шэнь Чжи был в замешательстве. Неужели он потерял не просто часть памяти, а... часть любви?

— Значит, брат Шэнь потерял душу.

Шэнь Чжи очнулся от раздумий, услышав голос Лю Саньцю:

— Тот демон связан заклятием в соседней ложе. Мы не нашли у него других душ, но, возможно, брат Шэнь захочет взглянуть?

Шэнь Чжи кивнул.

Лю Саньцю отвел его в соседнюю комнату, осторожно приоткрыл дверь и указал на человека внутри:

— Вот он.

Демон, скованный заклятием, не мог пошевелиться, лишь впился глазами в Лю Саньцю.

— Ха, что это за выражение лица, даос Цинь? Словно хочешь проглотить меня живьем, — усмехнулся Лю Саньцю, но тут же его голос похолодел: — Не бойся, я уже обыскал тебя, не желая пачкать руки снова. Просто хочу спросить: ты не видел этого человека, что стоит за моей спиной?

Шэнь Чжи подошел ближе и прищурился, глядя на жалкого «демона».

Тот смотрел в ответ.

Они долго молчали, глядя друг на друга, пока демон не прохрипел:

— Нет.

Шэнь Чжи: «...»

«Прежде чем врать, не моргнув глазом, сперва убери это выражение лица, полное

противоречивых чувств, ладно? Ты дрожишь от страха, глядя на меня, кто же поверит, что ты меня не знаешь?»

Хотя он действительно знал этого человека, и их отношения были весьма близкими — учитель и ученик. Он был учителем, а этот «демон» Цинь Цзыцзин — его учеником.

Лю Саньцю был не глуп и, конечно, не поверил. Он уже собирался вытащить меч, чтобы начать допрос, но Шэнь Чжи остановил его жестом:

— Это не он.

Лю Саньцю посмотрел на него:

— Ты уверен?

— Да, — ответил Шэнь Чжи. — Тот, кто забрал мою душу, не он.

Потому что Цинь Цзыцзин не мог этого сделать, да и не посмел бы.

Страх этого человека перед ним был вьевшимся в кости. Даже если бы Шэнь Чжи был при смерти и умолял забрать его душу, этот трус Цинь Цзыцзин лишь обмочился бы от ужаса и упал на колени, не переставая бить поклоны.

При мысли об этом Шэнь Чжи невольно захотелось улыбнуться.

Цинь Цзыцзин, увидев эту усмешку, испугался ещё больше. Он попытался отползти, но был скован заклятием и мог лишь смотреть, как его учитель, которого он считал давно мертвым, шаг за шагом приближается к нему.

— Даос... Цинь, — спокойно произнес Шэнь Чжи. — Ты крадешь души, чтобы продать их? Кому?

Не успел Цинь Цзыцзин ответить, как Лю Саньцю перебил:

— Брат Шэнь, мы уже спрашивали, но...

Цинь Цзыцзин не хотел отвечать.

Но прежде чем Лю Саньцю закончил, Цинь Цзыцзин, весь трясясь, выкрикнул:

— Это демон Ли! Я продал их демону Ли! — Сказав это, он разрыдался. Он не ожидал, что снова увидит Шэнь Чжи! И не ожидал, что спустя десять лет его страх перед этим человеком никуда не исчез.

Он выглядел одновременно пристыженным и перепуганным, продолжая рыдать на глазах у обоих.

Шэнь Чжи и Лю Саньцю замерли.

Опомнившись, Лю Саньцю нахмурился:

— Демон Ли? В «Трактате о демонах» сказано, что в древних пещерах горы Яо обитают демоны Ли, покрытые рыжей шерстью, любящие питаться живыми душами. Ты сказал — продал? Сколько всего ты продал?

Цинь Цзыцзин не ответил, продолжая плакать.

Лю Саньцю, потеряв терпение и получив хоть какую-то зацепку, вышел из комнаты. Шэнь Чжи, бросив последний взгляд на Цинь Цзыцзина, последовал за ним.

Как только Шэнь Чжи вошел в соседнюю ложу, он услышал, как Лю Саньцю распоряжается:

— Третий и шестой младшие братья остаются здесь присматривать за Цинь Цзыцзином, остальные отправляются со мной на гору Яо.

— Старший брат, зачем нам на гору Яо?

Лю Саньцю усмехнулся:

— Ловить демона Ли.

Ученики притихли, лихорадочно пытаются вспомнить, что это за демон. Мэн Аню не нужно было вспоминать, он вскочил и холодно сказал:

— Нужно оставить здесь седьмого брата, демон Ли слишком хитер, я...

Лю Саньцю невозмутимо перебил:

— Каким бы хитрым ни был демон Ли, я справлюсь.

Мэн Ань замер от такого ответа, а затем яростно сверкнул глазами, но Лю Саньцю проигнорировал его.

Их перепалка была на руку Шэнь Чжи. Мэн Ань был прост и предсказуем, с ним было легче договориться, чем с Лю Саньцю. Если останется только он, Шэнь Чжи сможет найти время, чтобы побеседовать с Цинь Цзыцзином.

Цинь Цзыцзин

После того как он выплакался, его одолели голод и сон.

Молодые ученики Шаньичэн десять лет назад, вероятно, еще не были совершенствующимися и знали имя Шэнь Даохэна лишь из баек. Но даже спустя десятилетие он узнал бы это лицо из тысячи!

Сегодня он перенес сильное потрясение, поэтому к глубокой ночи, когда всё стихло, его сморил сон.

В полудреме ему слышалось, что кто-то зовет его по имени.

Человек, не дождавшись ответа, видимо, потерял терпение и отвесил ему пощечину.

Проснувшись от боли, он открыл воспаленные глаза и посмотрел на вошедшего.

Тот небрежно потирал ладонь, которой только что ударил его.

— Учитель... Учитель! — в панике воскликнул он, окончательно приходя в себя.

— Не кричи, — голос Шэнь Чжи был ровным, без тени эмоций. Цинь Цзыцзин не мог понять его настроения, поэтому, стараясь изобразить восторг, выдавил: — Учитель... вы... как же... как вы выжили?

Шэнь Чжи ответил:

— Ты так хотел, чтобы я умер?

— Нет, нет, что вы! — он хотел покачать головой, но из-за заклятия не мог пошевелиться, лишь умоляюще смотрел на него.

Холодный лунный свет падал на лицо Шэнь Чжи. Он вроде бы улыбался, а вроде бы и нет, и на его холодном, бледном лице застыла привычная насмешка:

— Десять лет прошло, а ты всё такой же трус? Боишься сказать правду?

Он действительно боялся, но ещё больше боялся признаться в этом, поэтому молчал, как и десять лет назад.

Шэнь Чжи тихо вздохнул:

— Должно быть, я лишился разума, когда взял тебя в ученики. Оставлять тебя в этом мире — только портить себе репутацию. Пожалуй...

<http://bllate.org/book/18833/1833671>